

рии советского права.—Новосибирск, 1966. 6. *Дагель П. С.* Проблемы вины в советском уголовном праве.—Уч. зап. Дальневосточн. ун-та, 1968, вып. 21, ч. 1, с. 54, 71—72. 7. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления.—М.: Юрид. лит., 1974. 8. *Ковалев М. И.* Советское уголовное право. Курс лекций. Введение в уголовное право. — Свердловск, 1971, вып. 1.—108 с. 9. *Мельникова Ю. Б.* О понятии и сущности уголовно-правовых отношений.—Сов. государство и право, 1970, № 6, с. 91. 10. *Пионтковский А. А.* Уголовное право РСФСР.—М., 1925. 11. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. Лекции.—СПб., 1911. 12. *Тарарухин С. А.* Установление мотива и квалификация преступления. — Киев, 1977. 13. *Тархов В. А.* Ответственность по советскому гражданскому праву.—Саратов, 1973. 14. *Тихенко С. И.* Невменяемость и вменяемость.—Киев, 1927. 15. *Трахтеров В. С.* Вменяемость как условие уголовной ответственности.—Уч. зап. Харьк. юрид. ин-та, 1957, вып. IX, с. 10—12. 16. *Хомовский А. А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера.—М.: Юрид. лит., 1974.

Поступила в редколлегию 12.01.81.

А. Ф. Зелинский, д-р юрид. наук
Харьков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. Уголовное право и криминология, рассматривая внутреннее содержание противоправного поведения, исходят из положений, экспериментально и теоретически разработанных специалистами в области психологии. Это утверждение не лишено известной доли тривиальности. Однако о нем уместно напомнить, так как повышенный интерес криминалистов к личности преступников приводит иногда к дилетантскому использованию устаревших психологических представлений и попыткам создания некой особой, так сказать, собственного изготовления, психологии преступного поведения. Вряд ли такие притязания заслуживают одобрения. Психологическая наука исследует не только нормальное, но и отклоняющееся поведение, в котором общие закономерности душевной деятельности сохраняют свою силу. Такой закономерностью, привлекающей в последние годы повышенный интерес психологов, является *взаимное проникновение сознания и неосознаваемых психических процессов («бессознательного»)*. И хотя диалектико-материалистическая теория неосознаваемой регуляции человеческого поведения еще далека до своей завершенности, накоплен определенный фактический материал и сделан ряд важных и перспективных для правовых наук теоретических обобщений.

В октябре 1979 г. в Тбилиси состоялась международная научная конференция по проблемам неосознаваемой психической деятельности. Ее организаторы — видные советские ученые —

отмечали, что «без учета существования и функций бессознательного, при игнорировании его активности, мы не можем до конца понять психологическую структуру ни одного конкретного акта человеческой деятельности, ни одно проявление душевной жизни человека» [6, с. 730].

Между тем в криминологии и уголовном праве, основные психологические постулаты которых возникли и укрепились в прошлом веке, как правило, полностью отвергается «бессознательное». Отрицание неосознаваемого в правовом поведении основывается на недиалектическом противопоставлении сознания и «бессознательного» в сложной и противоречивой человеческой психике. Как свидетельствуют специальные исследования, формирование мотивов поведения, возникновение решения действовать тем или иным образом, выбор средств его реализации, оценка социального характера поступков совершаются в тесном взаимодействии, более или менее скрытом, сознания и таких психических явлений, которые не осознаются действующим лицом. Между сознанием и «бессознательным» устанавливается не противоборство, как полагали З. Фрейд и его последователи, а постоянное взаимопроникновение [14, с. 204]. «Бессознательное» перерабатывает, готовит и хранит информационный материал для сознания, непосредственно регулирует ряд вспомогательных операций осознанной в целом деятельности. В то же время такие компоненты «бессознательного», как психологическая установка, навыки и интуиция, формируются в процессе сознательного поведения, подчиняются основной направленности сознания данной личности и могут быть осознаны субъектом [7, с. 82—83]. Игнорирование указанного взаимодействия приводит к односторонней «рационализации» человека. Это не соответствует его реальному бытию, ведет к тому, что арсенал правовых и воспитательных средств ориентируется преимущественно на такую схематизированную, «неживую», чрезмерно рационализированную личность. В условиях развитого социалистического общества, где устранены коренные социальные причины преступности, значительная часть преступлений, совершаемых, в частности, подростками, представляет собой проявление тех самых «парадоксов душевной жизни», понять и предупредить которые без использования современных достижений психологии «бессознательного» становится все труднее. Об этом свидетельствуют и судебная практика, и криминологические исследования [12, с. 75; 10, с. 10].

Наиболее распространенный тип современного правонарушителя не соответствует традиционному представлению о преступнике как убежденном противнике правопорядка и общественно-правосознания.

Недостаточная осознанность многих общественно опасных деяний обнаруживается в явном расхождении слова и дела, фак-

тического поведения и жизненных планов. Далеко не всегда такого рода противоречия можно объяснить стремлением скрыть от окружающих подлинные мотивы поступков, хотя и это, конечно, бывает. Противоречия, как правило, порождаются несогласованностью между сознанием и неосознаваемой психологической установкой, выступающей важным звеном системы внутренней регуляции поведения [3, с. 284, 286, 350—354].

2. В свете психологической теории «бессознательного» нуждаются в уточнении некоторые представления о мотивации преступного поведения. Распространенным и господствующим в юридической литературе является положение о том, что только *осознанные* побуждения могут выступать в качестве мотивов преступлений [17, с. 106—113]. При этом обычно ссылаются на слова Ф. Энгельса: «...все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову...» [1, т. 21, с. 290]. Но в данном случае «голова» — это психика, а не только сознание. Еще М. И. Сеченов называл отождествление психики и сознания величайшим заблуждением [19, с. 23]. В другом месте Ф. Энгельс писал: «Истинные движущие силы, которые побуждают его (человека.—А. З.) к деятельности, остаются ему неизвестными... Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления... Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника» [1, т. 39, с. 83]. Советские психологи считают, что подлинные мотивы поступков, как правило, не осознаются субъектом [14, с. 201; 5, с. 84—93]. Это характерно и для преступления, что, в частности, обнаруживается в объяснениях, приводимых обвиняемыми и осужденными: они обычно не в состоянии назвать подлинные мотивы преступлений. В суждениях тех авторов, которые определяют в общей форме мотив как осознанное побуждение, наблюдается известная непоследовательность. Так, Е. А. Лукашева, касаясь нетранзитивного преступного поведения, объясняет его ситуативностью, подвижностью, изменчивостью мотивов, в силу чего они «могли даже не зафиксироваться в сознании человека» [15, с. 312]. Значит, мотивы могут и не осознаваться. А. А. Ковалкин и Д. П. Котов сразу вслед за традиционным определением мотивов как обязательно осознанных и оцененных побуждений пишут, что мотив может осознаваться после совершения преступления, и, таким образом, заявляют о его неосознанности в момент действия [13, с. 41].

Исследуя мотивы преступлений, нужно иметь в виду, что нередко побуждают к деятельности мысли, представления, образы,

желания и идеи, вытесненные» в свое время в подсознание и внезапно активизировавшиеся в мотивах поведения. Это очень важно для понимания подлинных движущих сил так называемых «неожиданных» преступлений.

В процессе мотивации поступков важное место принадлежит психологической установке личности. Она создается прошлой деятельностью и актуальной потребностью, но, как правило, не осознается индивидом. Установка опосредствует влияние внешних воздействий и в известной мере предопределяет личностную реакцию на них. Как считают грузинские психологи, внутреннее, т. е. личностные свойства человека, и внешнее (среда) взаимодействуют не иначе как только через установку [5, с. 45, 93]. По нашему мнению, теория установки дает ключ к объяснению выбора субъектом среды общения и внешних факторов поведения. Широко распространенная в криминологии концепция антиобщественной ценностной ориентации «не работает» при анализе неосторожных и многих умышленных ситуационных преступлений, особенно совершаемых под влиянием аффекта и в состоянии глубокого алкогольного опьянения.

Процесс формирования психологической установки, как отмечают исследователи, протекает на ранних этапах созревания детской психики, что может привести к образованию стойких особенностей личности и формированию ригидных стереотипов поведения, в том числе и таких, которые при определенных условиях выливаются в правонарушения [4, с. 108].

Большой интерес для криминологии могут составить опыты изучения неосознаваемых негативных мотиваций, т. е. влечений к отрицательным эмоциям, наблюдаемых у некоторых людей [6, с. 433—444]. Давно замечено, что отдельные люди добровольно лишают себя житейского и душевного комфорта, идут на встречу опасностям и лишениям. Высокий уровень материального благосостояния при нравственном и эстетическом инфантилизме может способствовать реализации такого рода влечений в антисоциальных формах.

Разумеется, было бы неправильно считать психологическую установку единственным диспозитивным регулятором поведения. Она, по мнению психологов, составляет структурно и иерархически низший уровень диспозиции личности, высшими и доминирующими образованиями которой являются направленность интересов и система ценностных ориентаций [18, с. 22—23]. Установка, как уже отмечалось, формируется в сознательной деятельности, но и сознание в свою очередь зависит от неосознанной установки. Случаи несоответствия поступка общей направленности личности объясняются рассогласованностью элементов диспозиционной системы, когда доминирующая роль в регуляции социально значимого поведения переходит к диспозиции низ-

шего уровня — психологической установке, противоречащей позитивному нравственному сознанию.

3. Сложной и совершенно не разработанной проблемой является ответственность за общественно опасные деяния, в той или иной мере детерминированные неосознаваемыми психическими процессами. Бесспорным признается законодательно закрепленное положение о том, что при расстройстве сознания, когда лицо не отдавало себе отчета в своих действиях или не могло ими руководить, оно признается невменяемым. Но если сознание уступило свою ведущую регулятивную функцию «бессознательному» без патологической причины, т. е. когда отсутствует медицинский критерий невменяемости, ответственность, как известно, не исключается, а в некоторых случаях даже усиливается, например, за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, в том числе и глубокого (п. 11 ст. 41 УК УССР). П. С. Дагель, один из первых криминалистов, обратившихся к проблеме «бессознательного», вынужден был признать, что в рамках действующего уголовного законодательства невозможно адекватно определить форму вины в таких случаях, и возлагал надежды на будущее развитие психологии [9, с. 71—82]. С тех пор прошло 14 лет, и хотя вряд ли можно утверждать, что мы располагаем достоверными данными для решения этой сложной правовой проблемы, все же имеется достаточный материал для ее обсуждения.

При этом следует исходить из того фундаментального факта, что «бессознательное» — не физиологическое, а психическое явление. Это отличает его от различного рода рефлекторных, инстинктивных реакций, которые не признаются действиями. «Бессознательное», как и сознание, представляет собой функцию человеческого мозга. Оно адекватно отражает объективную действительность, но протекает под порогом сознания и во взаимодействии с ним.

Хотя, как уже отмечалось, сознание и «бессознательное» состоят в тесном едином, их влияние на поведение индивида в отдельные моменты может изменяться. Неосознанно производятся привычные операции и действия, когда сознание осуществляет лишь общее руководство поведением. В силу различных причин сфера сознания иногда сужается; оно как бы передает в область «бессознательного» свои функции по регуляции деятельности. Но и при этом «отщепленное» сознание более или менее правильно отражает фактическое ядро поступка, и поведение в целом сохраняет волевой характер. Так обосновывается ответственность за преступления, совершаемые в состоянии сильного душевного волнения или алкогольного опьянения.

По-видимому, в виновности лица, совершившего преступление, необходимо различать психологическое и нравственно-правовое осознание действий. Осознать в нравственном и правовом

отношении — далеко не одно и то же, что просто психологически их осознать. Как верно замечает Б. О. Николаичев, «человек может вполне отдавать отчет себе в своих действиях, поступать в соответствии со своими намерениями, но при этом «забыть» посмотреть на дело с нравственной точки зрения, что, разумеется, не освобождает его от нравственной ответственности, поскольку такая «забывчивость» определяется не индивидуальными особенностями памяти, а нравственным развитием человека, его моральным обликом» [16, с. 74].

Психологическое осознание означает, что субъект отдает себе отчет в своих действиях¹. Оно выступает одним из психологических критериев вменяемости по советскому уголовному праву. Сознанием фиксируется суть поступка на его фактическом, обыденном уровне без рассмотрения его социального, нравственного и правового содержания. Например, грабитель отдает себе отчет в своих действиях и, следовательно, психологически их осознать, если понимает, что без согласия потерпевшего завладевает чужой вещью, а не своей собственной. Насильник понимает, что действует вопреки воле потерпевшей. Но при этом далеко не всегда сознание фиксирует общественно опасный характер деяний. Есть основания утверждать, что большинство лиц, виновных в хулиганстве, грабежах, разбоях, изнасиловании и других посягательствах, совершаемых без предварительного намерения под воздействием ситуационно-импульсивных побуждений, фактически не думало об общественно опасном характере своих действий и, значит, не осознавало их на нравственном уровне [12, с. 65; 10, с. 10]. Еще в меньшей мере осознают общественную опасность своих действий и предвидят их общественно опасные последствия лица, совершившие преступления в состоянии патологических нарушений психической деятельности, не исключающих вменяемость, и в сильной степени алкогольного опьянения [2, с. 18, 33]. Социально-нравственная позиция этих людей в момент их преступного поведения определяется антисоциальными установками, привычками и представлениями, вытесненными в подсознание.

Такова реальность, которую трудно отрицать. Но существует и другая реальность: рассматриваемые общественно опасные деяния совершаются при определенном участии сознания и созданных прошлой сознательной деятельностью неосознаваемых психических явлений. Вина такого рода не может быть неосторожной, поскольку имело место предвидение фактических результатов действий и желание либо допущение их наступления. Но тут возникает трудность, созданная несколько неточными, по нашему мнению, формулировками закона, определяющими

¹ Украинский язык удачно различает два уровня сознания. «Притомність» — это психологическое отражение действительности, «свідомість» — нравственное, социальное сознание.

умышленную вину без учета «бессознательного» и предполагающими обязательное осознание общественно опасного деяния. Законодательное описание умысла вполне соответствует субъективному содержанию таких преднамеренных посягательств, как заранее спланированные кражи, убийства, государственные, хозяйственные и другие преступления. Но к большинству так называемых ситуативных правонарушений оно явно не подходит.

Практика разрешает затруднение довольно просто: суд ограничивается доказательствами психологического осознания деяния, исходя из презумпций, что «осознание субъектом фактической стороны своего поступка рассматривается и как осознание его социального содержания (общественной опасности, аморальности, противоправности и т. п.) «и что «вменяемый человек предвидит все закономерно возможные непосредственные последствия своего поведения» [11, с. 242]. Но такие презумпции ни на чем не основаны. Кроме того, они весьма рискованны, так как могут повлечь произвольные выводы и решения. Чеховский «злоумышленник» осознавал, конечно, фактическую сторону отвинчивания гаек, но был далек от понимания социальной оценки своего поступка.

Представляется, что общее определение умышленной вины нуждается в изменении. Новое определение должно учитывать тесную взаимосвязь сознания с неосознаваемыми психическими явлениями и легализовать фактическое положение дела. По-видимому, следует прямо указать, что умышленно совершает преступление тот, кто отдает себе отчет в своих действиях (т. е. осознает их фактическое содержание), предвидит или допускает наступление указанных в законе последствий. Осознание общественно опасного характера противоправного деяния могло бы стать факультативным признаком субъективной стороны отдельных составов преступлений. Соответствующие изменения в редакции ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик лишь легализовали бы то, что всегда применялось и применяется в судебной практике, что соответствует и простому житейскому опыту, и данным психологии.

В то же время, когда сознательный контроль в силу болезненного состояния виновного был ограничен, целесообразно было бы исходить из уменьшенной вменяемости лица. Как известно, советское уголовное законодательство не знает уменьшенной вменяемости, и большинство криминалистов считает это вполне оправданным. Думается, что с учетом современных достижений патопсихологии и психиатрии к рассмотрению проблемы уменьшенной вменяемости следовало бы вернуться. Заслуживает внимания также предложение о специальной вменяемости как предпосылке ответственности за причинение вреда при управлении современной техникой [8].

4. Учение о неосознаваемой психической деятельности представляет большой интерес для науки исправительно-трудового права и исправительно-трудовой педагогики. Переоценка роли сознания в генезисе преступного поведения в пенитенциарной практике приводит к преобладанию воспитательных средств, ориентированных прежде всего на перевоспитание сознания, что, по-видимому, недостаточно для исключения рецидива. Не случайно, не по редакционному недосмотру в тексте ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик рядом с целью перевоспитания указана также задача исправления осужденных.

Перевоспитание — это изменение сознания под целенаправленным воздействием воспитателей. Исправление, по нашему мнению, — понятие более широкое, включающее также ломку неосознаваемых стереотипов преступного поведения. Поскольку исправление является одной из целей наказания, то исполнение приговора должно сочетаться не только с воспитательными, но и лечебными мерами, и, что самое главное, включением в систему общественно-полезных видов деятельности, ибо прежде всего в деятельности формируется личность с ее сознанием, сверхсознанием и подсознанием.

Таковы некоторые уголовно-правовые и криминологические проблемы, соприкасающиеся с психологическим феноменом неосознаваемой душевной деятельности. Интересы укрепления социалистической законности и повышения эффективности профилактической работы настоятельно требуют их комплексного исследования на основе современных достижений советской психологии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, 39. 2. Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства).—М.: Наука, 1976.—272 с. 3. Бассин Ф. В. Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности).—М.: Медицина, 1968.—328 с. 4. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е. О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного).—Вопр. философии, 1975, №10, с. 94—108. 5. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси: Мецниереба, 1978, т. 1.—736 с. 6. Бессознательное: природа, функции, методы исследования.—Тбилиси: Мецниереба, 1979, т. 3.—680 с. 7. Бойко А. Н. Проблема бессознательного в философии и конкретных науках.—Киев: Вища школа, 1978.—136 с. 8. Гринберг М. С. Психофизиологические возможности человека и уголовная ответственность.—Сов. государство и право, 1974, № 12, с. 70—75. 9. Дагель П. С. Проблема «бессознательного» и некоторые вопросы вины в уголовном праве.—Уч. зап. Дальневосточн. ун-та, 1968, т. 14, с. 69—82. 10. Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1972, вып. 15, с. 3—10. 11. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы.—М.: Юрид. лит., 1972.—262 с. 12. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения.—Горький: Изд-во ВШ МВД СССР, 1974.—168 с. 13. Ковалкин А. А., Котов Д. П. Мотивы хулиганства.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1973, № 18, с. 38—46. 14. Леонтьев А. Н. Деятель-

ность. Сознание. Личность.—М.: Политиздат, 1977.—304 с. 15. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность.—М.: Юрид. лит., 1973.—344 с. 16. Николаичев Б. О. Сознаемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности.—М.: Изд-во МГУ, 1976.—96 с. 17. Петелин Б. Я., Мотивация преступного поведения.—Сов. государство и право, 1980, № 4, с. 106—113. 18. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности.—Л.: Наука, 1979.—264 с. 19. Ярошевский М. Г. История психологии.—М.: Мысль, 1976.

Поступила в редколлегию 03.10.80.

В. Н. Дремин
Одесса

ИЗУЧЕНИЕ КРИМИНОГЕННОГО ВЛИЯНИЯ РАНЕЕ СУДИМЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В уголовно-правовой и криминологической литературе о вовлечении взрослыми, в том числе и ранее судимыми, несовершеннолетних в преступную деятельность недостаточно изучены характер и механизм оказываемого на них криминогенного влияния [2, с. 28; 3, с. 4]. В данной статье в порядке постановки вопроса излагаются некоторые наблюдения, в известной мере восполняющие этот пробел.

Нами были изучены личные дела 500 осужденных, отбывающих наказания за различные преступления в воспитательно-трудовых колониях (ВТК) усиленного режима. Эти осужденные затем были опрошены методом индивидуального формализованного интервью. Кроме того, в нескольких классах средней школы, находящейся в ВТК, осужденные писали сочинение на темы «Мои друзья», «Почему я совершил преступление». В качестве контрольной группы были интервьюированы 920 учащихся общеобразовательных средних школ и ПТУ г. Одессы.

Одна из основных задач исследования — выявление частоты (интенсивности) контактов обследуемых лиц с ранее судимыми людьми, способными оказать на подростков вредное влияние. Получены следующие показатели (см. таблицу).

Обращает на себя внимание неблагоприятное социально-нравственное окружение подростков, совершивших тяжкие преступления и повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы (напомним, что обследование проводилось в ВТК усиленного режима). Почти все они (85,9%) общались с ранее судимыми лицами. Около 30% из них (п. 1—4 таблицы) выросли в семьях, отдельные члены которых, главным образом отцы и старшие братья, уже отвечали перед судом за совершенные преступления. В контрольной группе эти показатели в несколько раз меньше.